

Олег ТАБАКОВ:

У меня за душой есть кое-что еще

Закончился театральный год, сезон 2000—2001 гг. Главной сенсацией минувшего сезона стал приход Олега ТАБАКОВА на мхатовское царство. Он поставил себе испытательный срок, который истечет через несколько месяцев. У нового худрука Художественного театра были огромные планы, перед ним стояли большие проблемы — и корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ поговорил с ним о том и о другом.

— У вас наступает крутая дата — первый сезон во МХАТе в качестве художественного руководителя. Я отлично помню вашу тронную речь — слова о юных актрисах, которые ведут себя в театре как на улице, о диатезе, начинающемся у вас при виде нечистоты и неустройства. Что вам удалось сделать?

— Сделано немало. Произведен ремонт всей закулисной части театра, закуплено новое радиотехническое оборудование для малой сцены. Начат ремонт отхожих мест. Входные двери из стали и хрома, хлопавшие, как крышка гроба, заменены на нормальные. Построен гараж, со двора вывезены мусор и грязь. И главная моя гордость — впервые за сто два года жизни МХАТа у него появится новая сцена. Она рассчитана на сто сорок мест, на ней можно будет заниматься лабораторной работой. Новая сцена находится в бывшем помещении музея театра, а для него были отремонтированы три зала за кулисами.

Работой музея я не слишком доволен — долговременного плана действий у него нет. А мой план в следующем — включить посещение выставки в цену театрального билета. Музей обязан вызывать интерес к сегодняшней практике МХАТа — посетитель выставки должен захотеть еще раз увидеться с театром.

— Значит, среди работников музея произойдут какие-то перемены?

— А почему бы и нет? Но одним музеем дело не ограничится. В этом сезоне на малой сцене вышла «Лесная песня» — эта работа подытожит двухгодичное существование так называемой студийной группы при МХАТе имени Чехова. Я говорю «так называемой» потому, что организована она была не вполне естественно и достаточно нерадостно заканчивается. Такие группы не создаются ничьим приказом (даже приказом Всевышнего) — они рождаются, как дети, организуясь вокруг чрезвычайно одаренного человека. Это правило соблюдено не было.

— Как сложится судьба артистов?

— Они будут уволены, Алеша. Многие уйдут, некоторые останутся во МХАТе... И в этом нет ничего чрезвычайного. Чрезвычайным был обман, допущенный при создании студийной группы. Вот, бывшем помещении музея театра, а для него были отремонтированы три зала за кулисами. Работой музея я не слишком доволен — долговременного плана действий у него нет. А мой план в следующем — включить посещение выставки в цену театрального билета. Музей обязан вызывать интерес к сегодняшней практике МХАТа — посетитель выставки должен захотеть еще раз увидеться с театром.

(Окончание на 8-й стр.)

Олег ТАБАКОВ:

У меня за душой есть кое-что еще

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— А они во МХАТе бывали?

— Ты разве не знаешь? Не интересовался? У этого театра богатые традиции, работавшим здесь людям есть что вспомнить, но, как ни странно, за весь нынешний сезон ни одного подобного случая не произошло. А теперь о воровстве. Я объявил амнистию той коррупции, что была до меня, и уверил тех, кого было нужно, в неотвратимости наказания за все, что произойдет после моего прихода...

— Я знаю, что в последние ефремовские времена здесь была большая аренда: кафе, рестораны и многое другое — контролировать все это Олег Николаевич не мог...

— Приведенная мной на должность финансового директора мой заместитель из «Табакерки» есть око государево в системе денежных потоков. Все переведено на рельсы закона и затвержено соглашениями, каждые три месяца на доске объявлений вывешивается бюджет театра.

— А замечательная история с домами, которые были отданы Художественному театру, а затем отошли к фонду «Товарищество МХАТ», делами которого занимается изобретнейший Владимир Прудкин?

— Шансы отвоювать свою собственность у театра увеличались в несколько раз. Сейчас эти дома стоят пустые и коммерчески не используются: новая российская власть довольно определенно возвестила о своих государственных настроениях, и это сильно затормозило возможности приватизации. Упущено время. Люди, пытавшиеся

определять, кому принадлежат здания МХАТа, опоздали.

— Двор будет вымошен, отхожие места станут сиять чистотой, но что же с творческими итогами уходящего сезона?

— На Малой сцене вышли «Лесная песня» и «Девушки битлов», первый спектакль поставлен Романом Козаком, второй — Александром Мариним. На основной сцене выпущена комедия Рэя Кунли «№13» в постановке Машкова и декорациях Александра Боровского и сыграны на замену четыре спектакля по пьесе Булгакова «Кабала святош» (постановка Шапиро, декорации Юрия Харикова, музыка Эдуарда Артемьева). Обсуждать его я не возьмусь: во-первых, еще не сыграна премьера, во-вторых, я являюсь одним из исполнителей. На мой взгляд, он подтверждает «серьезность» художественных намерений нового руководства». Эта премьера состоится 9 и 10 сентября — вслед за ней будет дана московская версия «Антигоны» Чхеидзе, а далее — капитальный ввод на все роли в спектакль Олега Николаевича «Чайка» (на мой зрительский вкус это самая значительная из его работ). Вводиться будут актеры «Табакерки» и МХАТа. В середине сентября на Малой сцене выйдет премьера пьесы Мухиной «Ю» (режиссер Евгений Каменькович, художник Александр Боровский).

— Некоторые из премьер, отнесенных на будущий сезон, вы планировали выпустить в нынешнем. Успех «№13» радует, но визитной карточкой нового МХАТа должна была стать «Кабала...». С сезоном 2000—2001 годов связаны пользующийся бе-

Олег Табаков все еще ощущает себя новым худруком старого МХАТа

шенным зрительским успехом спектакль Машкова, имеющий отношение к прежнему МХАТу спектакль Козака и не самая успешная постановка талантливого режиссера Марина. Выходит, это был сезон хозяйственных работ, накопления сил...

— Это был сезон работы, которая даст МХАТу возможность в течение полутора месяцев сыграть «Кабалу...», «Антигону», «Чайку» и спектакль «Ю». На новой сцене МХАТа Миндаугас Карбаускис выпустит «Старосветских помещиков» — это пятая премьера. Пять спектаклей за полтора месяца — назови еще один московский театр, где та-

кое возможно! Но для этого надо было проработать нынешний сезон. Я ведь человек достаточно честный: если бы, кроме ремонта, мне было нечего предьявить, я бы занялся чем-то другим.

— Хозяйство-то огромное. И дело не в брусчатке, а в людях — вот тут многое запущено...

— Тут многое в руинах. — Вы пришли в театр, где много балласта: от кого вы собираетесь избавляться, сколько прежних людей останется в труппе?

— Это зависит от востребованности труппы МХАТа в новом репертуаре. Все решит он, а

в будущем сезоне его составят: «Зойкина квартира» Булгакова, «Скрипка Ротшильда» Чехова, пьеса Павича «Вечность и еще один день», пьеса Фролова «Приговоренный к жизни», «В ожидании Годо» Беккета (я надеюсь, что этот спектакль поставит Римас Туминас). Во МХАТе выйдет «Святой огонь» Моэма в постановке Враговой и «Художники» Стоппарда в постановке Невежиной... На все эти спектакли труппы театра не хватает.

— В чем же суть проблемы? Старшее поколение во МХАТе вполне звездное, значит, у вас претензии к артистам среднего возраста, к молодежи?..

— Я думаю, что ты ошибаешься. Наши немолодые артисты находятся в самой разной степени боевой готовности. (Я, как ты понимаешь, имею в виду квалификацию.)

— Вы хотите сказать, дисквалификацию...

— Я имею в виду разнообразие симптомов этой болезни. Интересные сорокалетние в театре отсутствуют, из молодых я с некоторой натяжкой могу назвать четырех — Добровольскую, Семчеву, Егора Бероева, Шнырева... Дальше начнутся сбои. Разве это достаточно для такого репертуара?

— Это очень печальная история. Когда на мхатовское царство пришел Олег Николаевич, он, пытаясь спасти театр, набирал сильных людей, коллекционировал хороших актеров. И что с ними здесь случилось...

— No comments.

— Во МХАТе наверняка должны происходить какие-то актерские брожения — ведь вы к тому же собираетесь снять многие спектакли.

— Брожения, как ни странно, не происходят. Мы будем сохранять хорошие спектакли, а плохие снимем: критерием станет зрительский интерес. Вот доходы от реализации билетов за май: «Привидение» — 48%, «Мишин юбилей» — 55%... Они уйдут, останутся «Женитьба», «Ундина», «При сестрах», «Чайка» и все, что пользуется спросом.

Но я вот что тебе скажу: за минувший сезон посещаемость театра выросла вдвое.

— В чем тут дело?

— В том, что умер один человек и пришел другой. А реальный скачок зрительского интереса произошел к Новому году,

когда театр потянул четыре паровоза: «Амадей», вот уже девятнадцатый год собирающий полный зал, «№13», «Кабала святош» и «Антигона» — четыре спектакля, дающие двенадцать аншлагов в месяц. В московских театрах работает целый ряд интересующих меня актеров. Если мы будем живы, то встретимся с тобой через год — и обсудим значительную группу артистов, принятых в труппу МХАТ. Зачем же мне было сюда приходить, если не для того, чтобы воссоздать возможности первой драматической сцены страны?

— Но вы ведь и сами понимаете, что МХАТ — первая сцена страны — миф. Он был мифом уже тогда, когда вы, студент, выпускались из Школы сильных людей, коллекционировали хороших актеров. И что с ними здесь случилось...

— МХАТ перестает быть мифом, когда Ефремов собирает Борисова, Вертинскую, Мягкова, Лаврову, Калягина, Долина, Гинкаса, когда моя ученица Майорова приносит на сцену МХАТа совершенно не актерские интонации... У Олега Николаевича был удивительный поиск! Потом он затормозился — последнее мхатовское двухлетие не менее трагично, чем МХАТ сорок шестого — сорок девятого годов, когда ушли из жизни Качалов, Добронравов, Хмелев, Москвин.

— Мне кажется, что долготеление МХАТа определяла лежащая в его основе идея. Благодаря ей он так долго оставался живым, она превратила в миф мертвый театр... Вы создаете театр, рассчитанный на успех, и я несколько не сомневаюсь в том,

что вам это удастся. Но идеи у вас, по-моему, нет.

— Назови мне другого актера моего положения, который бы с нуля сделал в Москве театр. Что же мною двигало, как не идея? Идея того, что мои воспитанники станут российскими интеллигентами — не просто расскажут об этом журналистам на страницах глянцевого журнала, а сделают это. Обойдутся слезами над вымыслом и заставят плакать зрителей. Идея находится на моем рабочем столе: вот фотография — это Виктор Петрович Астафьев. Вот две фигурки — Александр Сергеевич Пушкин и Константин Сергеевич Станиславский. Вот фото мамы и того, кто спас ее от лагеря... А это Кот Матроскин. Говоря о том, что у моего театра нет идеи, ты думаешь о Матроскине, а у меня за душой есть кое-что еще. У меня есть одно достоинство: я всегда вкладываю в дело значительно больше, чем от него получаю, и это доставляет мне радость бытия. Давай обсудим все это через год по самому серьезному счету — тогда, я надеюсь, ты убедишься, что я не болтун. Вот тогда и поговорим о том, что сегодня главное в театре — концепция, средства выразительности, которыми занимается Боб Уилсон, энергетика Тадаши Сузуки или совмещение того и другого в живом актере, способном воспроизводить на сцене живую жизнь. Это и является идеей МХАТа — в соединении с гражданским содержанием интеллигентной труппы. Я положил себе испытательный срок до конца 2001 года, но давай прибавим сюда еще шесть месяцев — до завершения следующего сезона. Тогда мы и поговорим об идее.